

— НАУКА О ДУХЕ —

АЛЕКСАНДР ШЕВЦОВ

НАУКА О ДУХЕ

НАЧАЛА
ПРИКЛАДНОЙ
РАБОТЫ

Александр Александрович Шевцов

Начала прикладной работы

Серия «Наука о духе», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73279903

Наука о духе. Начала прикладной работы. Книга 2. / Шевцов А. А.:

Роща; Иваново; 2024

ISBN 978-5-6052123-7-9

Аннотация

«Эта книга является второй в серии книг, посвященных мною духу. Первая называлась «Введение в науку о духе» и излагала на основе языковой картины человека теоретические основы Духословия или Духоведения, как в старину называли науку о духе или пневматологию на Руси.

Чтобы прикладная работа с такими понятиями как «собраться с духом», «внутренний стержень», «ратный дух», «яростный дух», «сила духа» и другими стала возможной, вначале надо сделать постановку Школы работы с духом. И я посвящаю ей первый раздел, где постараюсь изложить свои взгляды, сложившиеся на основе семинаров, которые вел последние годы.

Материал огромен, поэтому я ограничил эту книгу исследованием всего двух всем знакомых и, как кажется, понятных речевых оборотов: «собраться с духом» и «внутренний стержень».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Шевцов
Наука о духе.
Начала прикладной
работы. Книга 2

Серия «Наука о духе»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РОЩА»

© Шевцов А., 2024

© Издательство «Роща», оформление, 2024

Введение

Эта книга является второй в серии книг, посвященных мною духу. Первая называлась «Введение в науку о духе» и излагала на основе языковой картины человека теоретические основы Духословия или Духоведения, как в старину называли науку о духе или пневматологию на Руси.

Впрочем, в России наука о духе развития не получила, а пневматология, хотели того ее создатели или нет, не воспринималась в европейской культуре как наука о духе. Это была наука о пневме, а в каждом из национальных европейских языков было свое имя для духа. Поэтому пневматология умирает в XVIII веке. Последним, кто поминал ее, был великий систематизатор наук, ученик Лейбница Христиан Вольф. Но в его Системе наук она более соответствовала психологии, чем науке о духе как таковом.

Соответственно, возникает вопрос: если научное сообщество убеждено, что духа нет, возможна ли научная дисциплина, посвященная духу? И не будет ли это очередной эзотерический бред?

Ответ на удивление прост: если существует наука с названием «психология», а при этом все психологи убеждены, что псюхе нет, то почему бы не быть науки о духе? Вопрос лишь в том, будет ли в устройстве человека найден предмет, соответствующий этому имени. Психологи, отказавшись от ду-

ши, нашли целых два: высшую нервную деятельность и поведение. Из-за ВИД они до сих пор судятся с физиологией, а поведение не понимают, поскольку не нашли объяснительного принципа, но психология благополучно занимает свое место среди прочих наук.

Совершенно очевидно, что неудачи психологов в помощи людям объясняются не только тем, что психологи плохо владеют наукой о душе, но и тем, что изрядная часть того, что огульно относится к ведению психологии, в действительности не является ее предметом. И это именно то, что должно бы проходить по ведомству духа.

Поэтому наличие у человека духа, как и отсутствие у него души, я оставляю в качестве гипотез и пытаюсь собрать те языковые примеры, которые языковая картина человека прямо связывает с духом, чтобы проверить, подходят ли к ним психологические приемы работы, или же в этих случаях должна быть собственная школа, которая исходит из других оснований. И, главное, дает ли она облегчение или помощь.

К числу таких языковых примеров я отношу те, которые и психологи предпочитают использовать со словом «дух». Например, собраться с духом, не терять присутствия духа, беспокойный дух, ратный дух, яростный дух, творческий дух, сила духа и другие. И несколько таких, которые слово «дух» в себя не включают, но без понятия о духе не объясняются, как мужество или внутренний стержень.

Однако, чтобы прикладная работа с этими понятиями ста-

ла возможной, вначале надо сделать постановку Школы работы с духом. И я посвящаю ей первый раздел, где постараюсь изложить свои взгляды, сложившиеся на основе семинаров, которые вел последние годы.

Материал огромен, поэтому я ограничил эту книгу исследованием всего двух всем знакомых и, как кажется, понятных речевых оборотов: «собраться с духом» и «внутренний стержень».

Часть первая

Школа

Глава 1

Возможная школа работы с духом

Очевидно, что нечто, ставшее предметом изучения уже две с половиной тысячи лет тому назад, не просто. Ни с наскоку, ни поверхностными методами его не взять. И просто рассказать, что такое дух, может разве что воплощенный бог или же современный гуру-контактер, который черпает истины из внеземных источников.

Однако мы находимся в земных условиях и вынуждены исходить из того, чем обладаем. А обладаем мы органами восприятия, разумом и наследием предков, сохранившемся в трудах лучших мыслителей и, что еще ценнее, в родном языке.

Предполагается, что есть еще откровения, то есть прямые свидетельства богов, записанные теми, кому это было передано. Но поскольку я такого откровения не получал, то к школе познания они прямого отношения не имеют. Они имеют отношение к вере, а вера предполагает отсутствие сомнений, которые обычно движут исследователем.

Познание в рамках веры предполагает два метода: катафатический и апофатический, то есть метод прямого познания и метод познания от обратного, через очищение от того, что неверно. Прямо скажу: откровений о природе духа не существует, он в откровениях только упоминается, и все остальное познание даже в рамках веры – дело исследователей, умозаключающих на основе исходных текстов, в которых дошли до нас откровения.

Тексты эти часто противоречивы, и поскольку записывались людьми, возможно, имеют в себе ошибки. Поэтому к умозаклучениям даже в рамках веры приходится добавлять собственный опыт созерцания. А значит, даже таким исследователям нужна школа.

Катафатический метод, то есть метод прямых утверждений на основе своего видения, уже проверялся в отношении духа и не сработал. Дух не поддается прямому видению, по крайней мере, не подготовленного человека. Этот предмет либо слишком сложен, либо слишком прост и очевиден, как, к примеру, воздух. Мы не видим его, пока не испытываем нехватку воздуха. Поэтому прямые описания духа оказываются на поверку домыслами или умозаклучениями не из опыта, а из какого-нибудь исходного утверждения, вроде того, что бог вдохнул дух свой в первочеловека.

Если дух можно вдохнуть, значит... И далее строится здание предположений, имеющих целью не познать дух, а объяснить, что имел в виду человек, впервые высказавший эти

слова.

Однако, оставляя в стороне догматические сочинения как то, что не подлежит критике, поскольку является предметом веры, мы обнаруживаем, что само понятие духа является предшествующим даже таким древним прозрениям. И это очевидно уже потому, что нельзя создать высказывание о том, как вдыхался дух, если в языке нет соответствующих слов. А значит, и понятий.

И мы обнаруживаем огромный слой языковых понятий о духе, живущих в народной культуре. Их можно назвать фольклорными, то есть принадлежащими народной мудрости, как переводится слово «фольклор». Что такое понятия языка? Это не домысел какого-то, быть может, даже очень умного человека. Это итог множества наблюдений и попыток объяснить то, что видели. Иными словами, даже если сами объяснения ошибочны, наблюдения, отразившиеся в языке, объективны и являются лучшей опорой, чтобы начать поиск.

Но что еще любопытнее: в языке хранятся не только имена различных явлений, включая дух. Но и имена для разных проявлений духа, показывающие его свойства и качества. Но и это еще не все. Язык хранит способы использования духа и воздействия на него!

Причем не помнит эти способы, а именно хранит! Попробуйте мысленно произнести привычные выражения, вроде: «Хватит кихнуть! Соберись!» И вы почувствуете, что не можете прочитать их как робот при озвучке. И даже если их

прочитает робот, вы внутренне возмутитесь на то, что он не так расставил ударения и не вложил чувства!

Мы не знаем просто слова «соберись» или «перестань быть тряпкой», мы знаем воздействия, которые с помощью этих слов надо оказывать, мы их читаем, произнося внутренне, и произносим мы их с обязательными знаками —!

Само произношение таких слов силовое, то есть наполнено такой силой, которая будет приложена к правильному месту и заставит что-то сделать. Это как бы умная сила, которая знает, куда ей течь и какое воздействие оказывать.

Внимательный к своему языку человек не только может таким образом выявить способы работы с духом, но и опробовать их в жизни. А это значит, проделать то же самое осознанно. Но для этого ему потребуется соотнести все подобные слова-воздействия с соответствующими состояниями человека, чтобы применять их точно.

Тут мы должны признать, что язык очень точен. Мы и не в силах сделать подобное высказывание, если не видим, что оно уместно. Человек просто не поймет нас и будет возмущен тем, что мы на него давим. Но, с другой стороны, если мы точны, он непроизвольно примет наше высказывание либо примет его как точное, но скажет, что сделает все это сам.

Но сделает он именно то, что мы предполагали, что скрыто за этими словами.

А что за ними скрыто? Мы ведь порой по многу раз на дню говорим подобные вещи другим. И никогда не задумы-

ваемся, что за воздействие оказываем и к чему именно его прикладываем в человеке. Мы настолько не задумываемся, что часто звучим дико. К примеру, человек решил всплакнуть, а ты ему: «Хорош! Хватит!»

Смысл понятен: этим словом ты требуешь, чтобы он прекратил... Прекратил что? Плакать? Или жалеть себя? Или воздействовать на других? Или позволять себе слабость?

Мы не объясняем, мы и сами не знаем. Но при этом мы настолько точны, что что-то внутри человека вздрагивает, и он действительно прекращает. Но что он прекращает? И на что мы оказали воздействие? И как оно оказалось таким точным?

Нам явно нужна школа, и школа эта должна быть способной понимать то, что за десятки тысяч лет существования человека разумного стало само собой разумеющимся. То есть разумеющимся без моего понимания.

Что это могла бы быть за школа?

Глава 2

Кратко об истории изучения духа

Нельзя создать школу, не учитывая опыт предшественников. С другой стороны, нельзя объять необъятное. Поэтому очень кратко, но с надеждой однажды посвятить углубленные исследования всем, кто закладывал основы этой науки.

Собственно, наука о духе зарождается как пневматология в античной философии. При этом сами по себе понятия о духе были и до этого, причем, в разных культурах, но о том, как они становятся истоками именно науки, эпистеме, если говорить по-гречески.

Вероятно, ее прародителем можно считать Анаксимена, жившего в VI веке до н. э. В его понимании пневма родственна аэру, то есть воздуху, но отличается тем, что она жизненное дыхание, связанное с кровью, которая и является носителем пневмы. В этом отношении пневма была чрезвычайно сходна с тюмосом, который тоже виделся греками как горячие испарения крови, находящиеся в легких.

Однако после трудов Анаксимена пневма вытесняет тюмос из философского словоупотребления, и хоть он еще важен для Платона, как яростный дух стражей и второе начало души, но после него, благодаря Аристотелю и стоикам, философская мысль начинает видеть человеческим духом либо нюс, либо пневму, считая ее огненным дыханием.

Как ни странно, но почти таким же дыханием, дающим знания, греки видели и высший ум – нюс. Поэтому нюс был для многих, вплоть до Платона, другим именем духа. И мы до сих пор имеем философическое понимание духа, как высшего ума, благодаря именно этим воззрениям древних греков. Но я намеренно избрал соотношение духа русской языковой картины с пневмой, поскольку русский дух по данным языка умом не является, хотя большинство наших философов, не задумываясь, говорят о духе в задуховном смысле. Пневма гораздо ближе к телу и душе.

Большой вклад в разработку пневматологии сделали греческие врачи, начиная с Гиппократ и Галена. Они искали некие естественные объяснения болезненных состояний человека и даже разрабатывали утонченные приемы работы с пневмой, уподобляя дыхание пневмой работе клепсидры. Но в последующие века понятие пневмы становится метафизическим, а потому трудно уловимым для простого читателя. В итоге медленно, но верно пневматология сходит на нет, уступая место собственным представлениям о духе у разных народов.

Да и сами греческие философы, начиная с Анаксагора, Демокрита и Аристотеля, предпочитают отождествлять дух с умом, нюсом, иногда логосом. А духовность становится тождественна отвлеченным умственным интересам. Именно так видят науку о духе и последние греческие философы-неоплатоники. Эта же традиция возрождается в последствии в

немецком идеализме, где создается понятие о духе, отличном от народных представлений.

Так, Кант видит дух (Geist) эстетически, как оживляющий принцип в душе. Зато Гегель делает его основой всей своей философии, доводя до состояния «мирового духа», выражающегося во всеобщности сознания людей и стремлении к абсолютному самосознанию.

Все эти поиски философов разительно отличаются от того, что понималось под духом в народном сознании, хоть греков, хоть других народов. Народные представления по сравнению с философскими удивительно просты и даже материалистичны. Духом называют нечто, подобное запахам или крепости напитков, способной выдыхаться. Не зря всеми принято латинское название алкоголя – спиритус, то есть дух.

Дух – это то, что может придавать крепость и жизненность всему, во что входит, и выходить из всего, в чем живет, оставляя любую оболочку пустой и безжизненной. Именно так проявляет себя и русский дух, ощущаясь как крепость и задор.

Соответственно, представления о духе у русского народа не просто были, а составляют изрядный пласт знаний о внутреннем устройстве человека. Именно их я постарался как можно подробнее представить в первой книге в изложении лучших русских языковедов, работающих с языковой картиной мира.

Однако это направление языковедения на сегодняшний день еще переживает начальный период своего становления и потому не имеет полноценной картины духа в русском языке. Наш язык содержит гораздо больше примеров и описаний того, как дух являет себя, чем использовали языковеды, так что остается место и для новых исследований, и для исследований не языковедческих, но и психологических и философских.

Однако, чтобы такие исследования могли состояться, нужен материал, который могут рассматривать профессионалы разных наук о человеке. И поскольку дух не является только языковой сущностью, а, судя по всем признакам, действительно существует и действует в человеке, материал этот должен быть опытным, своего рода разворачиванием в действиях тех понятий, которые мы встречаем в языке.

Опытный материал может быть предметом осмысления, и, возможно, это осмысление покажет ошибочность моих предположений. Но показать ошибочность можно лишь с позиций лучшего видения действительности. А это для меня действительность того предмета, что лежит в основе науки о духе.

Именно накоплению материала наблюдений и опыта я и посвящаю эту книгу. По сути, она является исследованием, дополнительным к языковой картине человеческого духа, проведенным мною на протяжении нескольких послед-

них лет в виде прикладных семинаров и экспериментальных мастерских.

И вот что я должен сказать по итогам этих исследований:

– дух человека является объективной реальностью, которая вполне поддается научному исследованию и может изучаться научными методами;

– дух очень важен для жизни, умение работать с духом решает множество жизненных сложностей;

– без духа научная картина человека столь же не полна, как без описания высшей нервной деятельности или лимфатической системы, а философская антропология ущербна, если она не учитывает деятельность человеческого духа;

– и последнее, но для меня, как для профессионального психолога, до сих пор потрясающее: множество сложностей в работе прикладного психолога не разрешаются не потому, что психологи плохи, а потому что эти сложности не относятся к сфере человеческой души, поскольку есть проявления духа!

Пытаясь помочь человеку, мы часто оказываемся бессильны, как если бы при болезнях головы пытались лечить сердце! Мы просто не там ищем и не туда смотрим!

Глава 3

В здоровом теле здоровый дух

Итак, в первую очередь Школа познания духа должна овладеть тем, что оставили нам предшественники, наблюдавшие дух на протяжении тысячелетий. Это не единственный способ познания духа, но без него мы окажемся обречены на изобретение бесконечных велосипедов, а значит, на топтание на месте.

Какие сложности поджидают в этом отношении желающего познать свой дух и овладеть искусством работы с ним? Их две: чрезвычайная простота и очевидность всего, что связано с духом, и одновременно непомерная сложность для понимания того, что проще, чем требуется мозгам современного человека. Покажу это на примере.

В отношении духа постоянно ощущаешь себя детективом, распутывающим одну головоломку за другой. Этот предмет тысячелетиями был так же важен для выживания, как тело, поскольку, по сути, тело и дух и есть сама жизнь человека. Но для многих дух был гораздо важнее даже самой жизни, поскольку предполагал жизнь посмертную. Поэтому все пути к духу истоптаны множеством ног и завалены горами мнений. И самая большая сложность для исследователя – не отсутствие свидетельств и знаний, а их переизбыточность, выливающаяся в противоречия и разговоры не о том.

Как пример той работы, что приходится делать, приведу знаменитую поговорку: *в здоровом теле здоровый дух*. Вся советская идеология внушала русским людям, что надо быть телом, и преследовала идеализм. Но при этом умудрялась закреплять свои идеологические подходы утверждением ценности духа.

Суть требования была проста: занимайтесь телом, поддерживайте его здоровым, делайте гимнастику, ходите в походы, бегайте на лыжах, и ваш дух будет, благодаря этому, здоров, что значит, вы будете чувствовать себя бодрым и готовым к трудовым подвигам. Хотя, если уж вдумываться в то, что такое духовность, а тогда дух понимали именно как духовные интересы, то должен бы стать не бодрым, а творческим или увлеченным искусством, в общем, совсем не телесным человеком.

Но откуда взялось это требование?

Из переводов Ювенала.

Децим Юний Ювенал (61–127 гг.) был римским сатириком. И высказал мысль *Mens sana in corpore sano* (Сатира X, строка 356), как пожелание богам, чтобы иметь и здоровое тело, и здоровый ум. Ни о каком духе, а на латыни он называется спиритус, речь не идет. Более того, никто до сих пор даже не знает, что такое здоровый дух, и что можно считать больным духом.

А вот что такое здоровый ум – *Mens*, и что такое ум с умственными отклонениями, мы знаем неплохо. Именно его

сложности и называются у нас сейчас душевными болезнями.

Впрочем, в следующей строке Ювенал говорит о том, что считает здоровьем «духа», в данном случае он называет его анимум (animus): *бодрого духа проси, что не знает страха перед смертью*, – как перевел эту строку на русский язык Ф. Петровский. Почему он решил перевести латинское слово *Fortem* как бодрый, а не как сильный, сказать трудно. Возможно, как раз потому, что советская идеология требовала бодрости духа.

Впрочем, основное значение этого латинского слова animus тоже ум. Но если быть уж совсем точным, то это мужской род слова анима – душа. Иными словами, это душа мужского рода – «душ», или, возможно, мужественная душа, тогда понятнее, почему Ювенал говорит о сильной душе. И даже понятно, что такое сила такой души – мужественная душа не боится смерти.

В русской языковой картине ни души мужского рода не существует, ни отсутствие страха перед смертью не является свойством души. Если какая-то душа или какой-то человек не боится смерти, для нас это признак того, что он силен духом, но не душой. И переводчик произвольно исказил Ювенала под воздействием представлений родного языка.

Вот примерно в такое разыскание превращается исследование любой расхожей фразы, в которой упоминается дух. Далек не все они русские, а это значит, что исходно они не

о духе, а о спиритусе, анимуме, гейсте, спирите, гхосте, тюмосе, пневме, ци, цзинь, атмане, пране и как там еще соответствующий народ называл это на своем родном языке.

А дальше необходимо понять, что понималось под этим именем народом, создавшим это слово, и как наш переводчик сумел понять, что речь идет именно о духе. А для этого надо иметь очень точное понятие о духе как таковом, и о том, что вкладывает в это имя твой народ. И это особая сложность, потому что русские переводчики не слишком-то заботятся о знании русского языка. Иностранцы они знают хорошо, почему и берутся их переводить, а про свой уверены, что не могут его знать плохо, раз он для них родной.

В силу этого я время от времени задаю переводчикам философских трактатов вопрос, на какой язык они переводили иностранный трактат? И это приводит их в ступор, поскольку они не сомневаются, что это очевидно. Однако очевидности коварны, и переводят они не на русский, а на некий наукообразный слэнг, в котором половина слов заимствована, а для второй половины не выверены значения.

Что делать с заимствованными словами, понятно: их бы стоило заменить на соответствующие им русские слова. Но это проклятие для переводчика, потому что он не представляет, на что, к примеру, заменить слово «система» или «анализировать», не говоря уж о «форме» или «психике». Это же каждый раз надо проделать исследование, пытаюсь понять, какое русское слово подойдет в данном случае для перевода,

потому что понять надо, что именно хотел сказать автор.

А от того, что он хотел сказать, зависят оттенки перевода, потому что в русском нет точного соответствия подобным иностранным словам, и поэтому каждому оттенку будет соответствовать свое имя. Ну, это непосильный труд!

А что такое выверенное значение слова? Это ведь не совокупное мнение нескольких словарей русского языка. Откуда лингвистам было знать то, что является предметом совсем другой науки?! Во всем, что касается человека, это вопрос антропологического исследования, дающего понимание, что именно обозначало имя, используемое в русском языке. Как пример: говоря о силе духа, мы легко сопоставляем ее с силой воли. И переводчик не сомневается, что перевел хорошо.

При этом в русском языке не просто «воля» означает отсутствие любых ограничений для тела и души, но и нет родного слова «воля» с тем значением, к которому можно приложить силу. Это ошибка перевода Септуагинты на русский язык, когда греческую БУЛЕ – способность желать и принимать решения – перевели сходным по звучанию ВОЛЯ.

Более того, греки совсем не знали понятия, сходного с «волей» наших философов. А Ницше и Шопенгауэр ни разу не использовали слова «воля». Поэтому, читая «Волю к власти», мы читаем сочинение не Ницше, а переводчика. И свято верим, что поняли его!

Но никто из наших переводчиков, переводя европейских

мыслителей, не счел необходимым проверить, что означало соответствующее слово, вроде латинского *voluntas* или немецкого *Wille*, и какое русское слово действительно могло бы ему соответствовать. Они просто переводят *voluntas* и *Will* как волю, и очень довольны. А читатель там, где речь идет о желании, понимает, что римлянин говорит о воле...

В итоге для разговоров между российскими философами это прекрасно подходит, ибо абсурдно, а потому может бесконечно порождать смыслы, заслуживающие обсуждения, но прикладник просто не может воспользоваться тем или иным текстом, поскольку он не имеет соответствий в природе человека.

Поэтому чтобы переводить поговорки, упоминающие дух, на русский язык, надо понимать, что хотел сказать народ, создавший эту поговорку. И не как отвлеченную идею, а именно в значении использованных слов. Как, к примеру, всем известное выражение «нищие духом». Даже понимая, что это выражение из Евангелия, точнее, из Нагорной проповеди Христа, мы не задумываемся, о каком именно «духе» в ней идет речь: о духе философов, то есть уме, о русском духе, о еврейском руахе или о греческой пневме!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.